

ФУТОРЯНСКИЙ Л.И. КАЗАЧЕСТВО РОССИИ В ОГНЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918-1920 гг.). ОРЕНБУРГ, 2003. 474 С. ТИР. 500

РЕЦЕНЗИЯ

опубликована в журнале «Отечественная история»
российской академии наук №6 (ноябрь-декабрь 2004)

Переболев «детскими» недомоганиями моментального, ультраревOLUTIONного воспроизведения «всей правды истории», отечественный историографический процесс все увереннее входит в традиционную колею кропотливого познания прошлого на базе освоения как можно более полного корпуса источников по избранной проблеме. Книга Л.И. Футорянского – свидетельство преимуществ такого рода традиционной историографии. В ней около полутора тысяч ссылок в основном на редко или впервые вводимые в научный оборот материалы 23 центральных и местных архивохранилищ (Оренбурга, Читы, Омска, Перми, Ростова-на-Дону, Краснодарского края, Чечни и Ингушетии, суверенного ныне Казахстана). Кроме того, автор основательно изучил центральную и местную периодику 1917-1920 гг., а также воспоминания участников событий со стороны как красных, так и белых. Его сообщения строятся на доскональном знании и критическом освоении огромной историографии вопроса, а также на уточнении, развитии, а в отдельных случаях и пересмотре сделанных ранее им самим умозаключений. Это позволяет исследователю подвергнуть «проверке на прочность», а если требуется, и решительно отвести, с одной стороны, стереотипы и клише официальной советской историографии, а с другой – домыслы и мифы поры «публицистического бума» конца 80-90-х гг. прошлого века.

Книга состоит из двух частей: «В преддверии (26 октября 1917 – март 1918 гг.)» и «В развернувшейся Гражданской (1918-1920 гг.)». Каждой из них предпослана историографическая глава. При этом, опираясь на свои предыдущие работы, автор сосредоточил внимание лишь на наиболее важных и актуальных сюжетах. Анализируя настроения и поведение казачества на этапе с ноября 1917 по март 1918 гг., автор приходит к выводу, собственно военные действия в основных казачьих районах (прежде всего на Дону, Кубани, Тереке и Урале) носили ограниченный характер, и в них были вовлечены со стороны как красных, так и белых небольшие по численности силы. Советская власть в большинстве казачьих районов устанавливалась при поддержке или нейтралитете большинства населения. Главной причиной этого Футорянский считает буржуазно-демократический характер

революционных преобразований того времени. Надельные земли основной массы казаков еще оставались неприкосновенными. Безвозмездная конфискация помещичьих и офицерских земель, подготовительные работы по их распределению среди рядовых казаков и крестьян казачество одобряло и поддерживало. Сохранялась частная собственность в сфере промышленного производства. Еще не успела проявить себя «социалистическая» уравнительность. Обстановка в казачьих районах в преддверии Гражданской войны, таким образом, допускала возможность разно-вариантного развития событий. Но уже тогда в зародыше обнаружили себя элементы красного и белого террора – предвестник того, что события пойдут по наихудшему из всех возможных вариантов.

Основное внимание в монографии уделяется событиям самой Гражданской войны, анализу роли казачества и процессов его внутреннего размежевания на всех ее этапах: в периоды партизанщины, создания белых и красных регулярных частей, перехода к регулярным армиям, в пору успехов и поражений армий А.В. Колчака и А.И. Деникина, на завершающем этапе военного противостояния. В неразрывном единстве с этой главной сюжетной линией рассматриваются земельный и продовольственный вопросы, другие аспекты политики как советской власти, так и белых правительств, оказавшей большое влияние на судьбы казачества. На широкой документальной основе в книге рассматривается самая трагичная, острая и перманентно (на протяжении 80 с лишним лет) идеологизированная и политизированная в литературе проблема красного и белого террора, к решению которой автор стремится подойти как можно более объективно.

Значимость такого подхода убедительно доказана анализом материалов Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России (Освага). Публикация в России этого документа, хранящегося в Германии, а также использование его многими публицистами прошли при явном игнорировании элементарных принципов критики исторических источников. Не учтен был даже тот факт, что деятельность данного учреждения преследовала прежде всего пропаган-

дистские цели, а сбор и обобщение информации, по свидетельству деятелей самого белого движения, строились с опорой на принцип, когда «хорошо оплачивается клевета на Советы и ЧК» (с. 260). Подвергнув тщательному изучению эти материалы и сопоставив их с данными известного исследования С.П. Мельгунова «Красный террор», Футорянский пришел к выводу, что бытующие в некоторых современных трудах сведения о красном терроре в казачьих областях в десятки раз преувеличивают истинные масштабы этого страшного явления, но в любом случае не заслуживающего никакого оправдания (с. 408, 414).

Проделав аналогичную работу в отношении источников, на основании которых в советской историографии оценивался белый террор, автор констатирует, что «террор белых и красных носил взаимный характер» (с. 276) и нет убедительных оснований считать, что они существенно отличались друг от друга в ту или иную сторону. Вместе с тем в книге содержатся конкретные факты, доказывающие неправомочность отождествления в большей части стихийного и многоликого явления, именуемого красным террором, с деятельностью большевиков. В той же мере ошибочным было бы целиком возлагать ответственность за белый террор на лидеров белого движения. Историческая ответственность тех и других заключается в том, что они с одинаковой решимостью и безальтернативностью толкали страну к Гражданской войне, давая простор стихии обоюдного озверения противоборствующих социальных сил, которую потом сами же тщетно пытались обуздать.

Итоги исследования Футорянским места и роли террора в Гражданской войне, сформулированные отнюдь не в духе столь популярной вчера и сегодня «политической целесообразности», открывают новый этап в осмыслении трагических уроков прошлого. На примере России эту задачу пытался впервые сформулировать еще Мельгунов, в неосуществленных планах которого стояла – в дополнение к книге о красном терроре – подготовка специального исследования о белом терроре. Такой подход, помимо всего прочего, призван способствовать преодолению в науке и социальной практике «комплекса национальной неполноценности» при оценке наиболее сложных и трагических страниц отечественной истории.

Трудно было бы не только рассмотреть, но даже просто обозначить самые важные сюжеты рецензируемого труда, в анализе которых

есть элементы нового знания. К числу наиболее острых и значимых среди них следует отнести рассказывание, связанное с изданием и попыткой проведения в жизнь директивы Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 г., определявшей курс на массовый террор и против богатого казачества, и всех казаков, принимавших участие в борьбе с советской властью. Однозначно оценивая эту широко известную в постсоветской литературе директиву как преступную, автор впервые анализирует всю совокупность конкретных обстоятельств, вызвавших ее появление. Возникла эта директива по инициативе «снизу», причем автором ее был председатель Донбюро С.И. Сырцов, а не Я.М. Свердлов, как утверждается в многочисленных публикациях. «Тяжелой ценой, – резюмирует исследователь, – директива была отменена» (с. 320).

Определяя место и роль казачества в трагических событиях 1917-1920 гг., Футорянский отвергает достаточно популярный в советской и современной историографии взгляд на казачьи области как на «русскую Вандею» – средоточие сил контрреволюции и реставрации. Казачество разделило судьбу всего народа России, расколотого на противоборствующие лагеря суровой, безжалостной логикой революционных потрясений и братоубийственной Гражданской войны. Масштабность задач, поставленных в монографии, не позволила автору уделить внимание всем проблемам с одинаковой основательностью. Его отсылки к своим предыдущим публикациям не снимают возникший вследствие этого вопрос о цельности книги как самостоятельного историографического факта. Не лишена монография и определенных недоработок, связанных с состыковкой материала отдельных ее разделов и глав, и со справочным аппаратом. Огромный эмпирический потенциал монографии стал бы более доступным читателю при наличии именного и географического указателей.

В заключение следует сказать, что рецензируемый труд в совокупности с другой солидной монографией автора «Казачество России на рубеже веков» (Оренбург, 1998) вносит крупный вклад в отечественную историографию, закладывая прочный фундамент современных научных представлений об исторической драме, пережитой на переломе эпох казачеством – этим своеобразным военным сословием дореволюционной России, многие традиции которого активно возрождаются сегодня.

**В.В. ЖУРАВЛЕВ, доктор исторических наук
(Московский государственный областной университет)**